

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

РУССКИЕ: ДВА НАРОДА

Внимание ведущих политических сил сегодня обращено к проблеме сплочения русского народа и российской нации. Я считаю, что на эту проблему надо посмотреть с особой точки зрения, взглянуть на причины, разделившие нас. Почему люди отдаляются друг от друга? Почему народ, который в недавнем прошлом был цельным социальным организмом, производит впечатление бесформенной инертной массы?

Скорее всего, потому, что его умело раскололи в двух сферах – социальной и национальной, то есть в тех, в которых содержатся главные связи, соединяющие людей в народы. Связи общего хозяйства, общей культуры, общей памяти. Для России обе эти сферы всегда были одинаково важны, и, казалось, неразрывны. Болезни социальные всегда принимали у нас национальную окраску, и наоборот. Однако в обеих сферах за последние двадцать лет произошли изменения, больше похожие на потрясения.

Сегодня самым глубоким расколом население России считает разделение между богатыми и бедными. Это установили социологи. Да и без социологов этот раскол очевиден. Поэтому разговор о нём – необходимая тема в национальной повестке дня русских.

Тему разговора следует сформулировать, идя к ней от проблемы человека. Проблемы, от которой уходят политики. Суть её такова: по достижении критического порога в разделении общества на богатых и бедных (в расслоении социальном) это разделение трансформируется в разделение на русских и нерусских. Расслоение социальное становится расслоением на разные народы. И тогда образуется пропасть, через которую очень трудно навести мосты.

Речь идёт о том, что одним народом ощущают себя люди, ведущие понятный всем образ жизни. Иными словами, социальное расслоение народа не может быть слишком глубоким. Когда оно достигает опасной черты, разделённые социально общности начинают расходиться по разным дорогам и приобретают черты разных народов.

Этнизация социальных групп – важная сторона политических процессов. Сходство материального уровня жизни ведёт к сродству культуры и мировоззрения, отношения к людям и государству, моральных норм. Напротив, возникновение резкого отличия какой-то группы по материальному положению, по образу жизни отделяет её от тела народа, делает членов этой группы отщепенцами или изгоями.

“Новые” русские инородцы

В России социальный раскол в XIX веке “рассёк народ на части” вплоть до гражданской войны, начавшейся с крестьянских волнений 1902 года. Крестьяне воевали со своими помещиками как с иным, враждебным народом. Они сравнивали помещиков с французами 1812 года. Так, сход крестьян деревни Куниловой Тверской губернии писал в наказе 1906 года: “Если Государственная дума не облегчит нас от злых врагов-помещиков, то придётся нам, крестьянам,

все земледельческие орудия перековать на военные штыки и на другие военные орудия и напомним 1812 год, в котором наши предки защищали свою родину от врагов французов, а мы — от злых кровопийных помещиков”.

Произошло это потому, что отделяться от русских начала элита, богатое меньшинство. Богатые тяготеют к тому, чтобы стать “иным народом” — по-особому одеваются и говорят, учатся в особых школах, иногда в общении между собой даже переходят на чужой язык (как русские дворяне, говорившие по-французски).

А. С. Грибоедов писал: “Если бы каким-нибудь случаем сюда занесён был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он, конечно, заключил бы из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племён, которые ещё не успели перемешаться обычаями и нравами”.

В начале XX века социальный раскол усугубил раскол мировоззренческий. Такие расколы возникают, когда какая-то часть народа резко меняет важную установку мировоззрения так, что остальные не могут с этим примириться. Расколы, возникающие как будто из экономического интереса, тоже связаны с изменением мировоззрения, что вызывает ответную ненависть. Одно из таких изменений связано с представлением о человеке.

Христианство определило, что люди равны как дети Божьи, “братья во Христе”. Отсюда “человек человеку брат” — как отрицание языческого (римского) “человек человеку волк”. Православие твёрдо стоит на этом, но социальный интерес богатых породил целую идеологию, согласно которой человеческий род не един, а разделён, как у животных, на виды. Из расизма, который изобрели, чтобы оправдать обращение в рабство и ограбление “цветных”, в социальную философию Запада перенесли понятия “раса бедных” и “раса богатых”. Рабочие тоже считались особой расой. Отцы политэкономии учили, что первая функция рынка — через зарплату регулировать численность этой расы. Возник социальный расизм. Потом подоспел дарвинизм, и эту идеологию украсили научными словечками (это “социал-дарвинизм”). Русская культура отвергла социал-дарвинизм категорически, тут единым фронтом выступали наука и Церковь. Но когда крестьяне в начале XX века стали настойчиво требовать вернуть им землю и наметилась их смычка с рабочими, русское либеральное дворянство и буржуазия качнулись от “народопклонства” к “народоненавистничеству”. Будучи западниками, они получили оттуда готовую идеологию и вдруг заговорили на языке социал-дарвинизма. Большая часть элиты впала в социальный расизм. Рабочие и крестьяне стали для неё низшей расой.

Белая кость и “внутренние немцы”

Группа московских миллионеров, выступив в 1906 году в поддержку Столыпинской реформы, заявила в журнале “Экономист России”: “Мы почти все за закон 9 ноября... Дифференциации мы нисколько не боимся. Из 100 полугодных будет 20 хороших хозяев, а 80 батраков. Мы сентиментальностью не страдаем. Наши идеалы — англосаксонские. Помогать, в первую очередь, нужно сильным людям. А слабеньких да нытиков мы жалеть не умеем”.

Либеральная интеллигенция примкнула к буржуазии и потеряла возможность служить культурным мостиком между частями общества, в которых назревала взаимная ненависть. Социальный расизм стал характерен даже для умеренно левых философов. Например, Н. А. Бердяев излагал явно расистские представления. Он писал: “Культура существует в нашей крови. Культура — дело расы и расового подбора... “Просветительное” и “революционное” сознание затемнило для научного познания значение расы. Но объективная незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определёнными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование “белой кости” есть не только сословный предрассудок, это есть неопровержимый и неистребимый антропологический факт”.

Две части русского народа стали расходиться на две враждебные расы. Это отразилось уже в книге “Вехи” (1906). Основная идея этой книги ясно была выражена М. О. Гершензоном, который писал: “Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом — бояться мы его должны пуще

всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами ещё ограждает нас от ярости народной”.

Тогда же Лев Толстой сделал очень тяжёлый вывод: “Вольтер говорил, что если бы возможно было, пожав шишечку в Париже, этим пожатием убить мандарина в Китае, то редкий парижанин лишил бы себя этого удовольствия. Отчего же не говорить правду? Если бы, пожавши пуговку в Москве или Петербурге, этим пожатием можно было бы убить мужика в Царевококшайском уезде, и никто бы не узнал про это, я думаю, что нашлось бы мало людей из нашего сословия, которые воздержались бы от пожатия пуговки, если бы это могло им доставить хоть малейшее удовольствие. И это не предположение только. Подтверждением этого служит вся русская жизнь, всё то, что, не переставая, происходит по всей России. Разве теперь, когда люди, как говорят, мрут от голода... богачи не сидят с своими запасами хлеба, ожидая ещё больших повышений цен, разве фабриканты не сбивают цен с работы?”

Основная масса народа долго не могла поверить в расизм элиты, считала его проявлением сословного эгоизма. Ответный расизм “трудового народа” возник только к концу Первой мировой войны, а проявился в социальной практике уже после февраля 1917 года, летом. После 1916 года буржуазию и помещиков в обыденных разговорах стали называть “внутренними немцами” — народом-врагом. Вся революция в России пошла не по Марксу: боролись не классы, а части расколотого народа, как будто разные народы. Но к этому привели те, кто считал себя “белой костью”. Они стали отщепенцами. Надо бы из их опыта извлечь урок, но сегодня “белая кость” с помощью телевидения сумела обратить гнев сытых как раз на тех крестьян и рабочих, а не на элиту, впадшую в расизм. Видно, на чужих уроках учиться мы ещё не научились.

На краю пропасти

История сегодня повторяется в худшем варианте. В годы перестройки социал-дарвинизм стал почти официальной идеологией, она внедрялась в умы всей силой СМИ. Многие ей поддались, тем более что она подкреплялась шансами поживиться за счёт “низшей расы”. Этот резкий разрыв с традиционным русским и православным представлением о человеке проложил важнейшую линию раскола.

В отличие от начала XX века, часть тех, кто возомнил себя “белой костью”, а остальных — “быдлом”, количественно довольно велика, больше и её агрессивность. Достаточно почитать в интернете рассуждения этой “расы”, чтобы оценить, как далеко она откатилась и от русской культуры, и даже от современного Запада. Мы имеем дело с социальным расизмом без всяких украшений.

Богатые стали осознавать себя особым, “новым” народом и называть себя “новыми русскими”. Но “этнизация” социальных групп, то есть их самоосознание как особых народов, происходит не только сверху, но и снизу. Совместное проживание людей в условиях бедности порождает самосознание, близкое к этническому. Крайняя бедность изолирует людей от общества, и они объединяются этой бедой. В периоды длительного социального бедствия даже возникают кочующие общности бедняков, прямо называющие себя “народами”, даже получившие собственное имя.

Сегодняшняя социальная политика делит наш народ на две части, живущие в разных цивилизациях и как будто в разных странах, на богатых и бедных. И они расходятся на два враждебных народа. Этот раскол ещё не произошёл окончательно, но мы уже на краю пропасти.

От тела народа “внизу” отщепляется общность людей, живущих в крайней бедности. В результате реформ в России образовалось “социальное дно”, составляющее около 10% городского населения, или 11 млн человек. В состав его входят нищие, бездомные, беспризорные дети. Большинство нищих и бездомных имеют среднее и среднее специальное образование, а 6% — высшее. Такого “дна” не бывало нигде за всю историю человечества.

Народ разрывается. Власть безмолвствует

Отверженные выброшены из общества с демонстративной жестокостью. О них не говорят, их проблемами занимается лишь МВД, их жизнь не изучает наука, в их защиту не проводятся демонстрации и пикеты. Их не считают

ближними. Им отказано в праве на медицинскую помощь. И никто не обращается в Конституционный суд, хотя речь идёт именно о конституционном праве, записанном в ст. 41 Конституции Российской Федерации. При этом практически все бездомные больны, их надо лечить. Больны и 70% беспризорников — дети граждан России и сами будущие граждане. Где в приоритетном национальном проекте в области медицины раздел о лечении этих детей? Им не нужны томографы за миллионы долларов, им нужна тёплая постель, заботливый врач и антибиотики отечественного производства, но именно этих простых вещей им не даёт нынешнее русское общество со всей его духовностью и выкупленными у Гарварда колоколами. А ведь колокола продали когда-то для того, чтобы вылечить тогдашних беспризорников. Так кто больше христианин — Наркомздрав 20-х годов или добрый Вексельберг?

Половина бездомных — бывшие заключенные и беженцы. Что им делать? Они никак не могут легализоваться, нарушают правила регистрации и выпадают из общества. Сейчас в России официально более 3-х миллионов бездомных. Большинство из них в прошлом были рабочими. Теперь среди бездомных наблюдается увеличение доли бывших служащих. 9% бездомных России имеют высшее образование.

Государственная помощь столь ничтожна по масштабам, что стала символом отношения к бедным. Депутат Н. А. Нарочницкая недавно сказала: “Мы должны из народонаселения стать нацией — единым организмом, в котором возобладает ощущение общности над всеми частными разногласиями”. Вот вам частное разногласие: к концу 2003 года в Москве действовало 2 “социальных гостиницы” и 6 “домов ночного пребывания”, всего на 1600 мест — при наличии 30 тысяч бездомных. Зимой того же года только в столице замёрзло более 800 человек. Не успело в них возобладать ощущение общности.

И вот выводы социологов: “Всплеск бездомности — прямое следствие разгула рыночной стихии, “дикого” капитализма. Ряды бездомных пополняются за счёт снижения уровня жизни большей части населения и хронической нехватки средств для оплаты коммунальных услуг... Бездомность как социальная болезнь приобретает характер хронической. Процент не имеющих жилья по всем показателям из года в год остаётся практически неизменным, а потому позволяет говорить о формировании в России своеобразного “класса” людей, не имеющих крыши над головой и жизненных перспектив. Основной “возможностью” для прекращения бездомного существования становится, как правило, смерть или убийство”.

Сложился и слой “придонья”, в который входят примерно 5% населения (7 млн человек). Принадлежащие к этому слою люди ещё в обществе, но с отчаянием видят, что им в нём не удержаться. Вывод социологов в главном журнале Российской Академии наук “Социологические исследования” таков: “В обществе действует эффективный механизм “всасывания” людей на “дно”, главными составляющими которого являются методы проведения нынешних экономических реформ, безудержная деятельность криминальных структур и неспособность государства защитить своих граждан”.

Это пропасть, отделяющая от русского народа общность изгоев в размере около 18 миллионов человек — целый народ большой страны. При этом и благополучное большинство в главном перестает быть русскими, потому что признать бедственное положение своих братьев и сограждан как приемлемую норму жизни — значит порвать с русской культурой.

И разделение народа произошло вовсе не потому, что бедные завидуют богатым и хотели бы отнять у них кошелёк. Народным достоинством завладела часть общества, лишённая созидательного инстинкта. А человек труда, который обустроивал и содержал страну, втоптан в нищету и бесправие. Вот в чём национальная трагедия. Дело в том, что нищета честных трудящихся людей, часто высокой квалификации, есть нестерпимое надругательство над разумом и совестью. Такое состояние разрушает народ. На этом пути нефтедоллары — временная передышка. Они даны нам свыше для проверки — задумаемся ли мы, сможем ли разумно истратить эти шальные деньги?

Есть ли возможность воссоединить две части разорванного народа? Мы считаем, что такая возможность ещё есть. Эти части социально разделены, но они ещё не стали враждебными расами (классами). Половина богатых сознаёт, что это их богатство — плод уродливых социальных условий. Эти люди ещё смогут работать на восстановление страны, если общество найдёт разумное решение, приемлемое для подавляющего большинства населения.